

ДРОЗДОВ ДАНИИЛ

СОЛЕННЫЙ ДОЖДЬ
НАД АУФИДОМ

Даниил Дроздов

Солёный дождь над Ауфидом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72574501

SelfPub; 2025

Аннотация

Август 216 года до нашей эры. Над рекой Ауфид нависает тишина перед страшной битвой. Великий полководец Ганнибал Барка готовит свою армию к столкновению с римлянами, а триарий Агер и юный гастат Марк – к самой настоящей мясорубке, где решаются судьбы тысяч людей.

Это история о храбрости и страхе, о мести и чести, о крови и судьбах, которые переплетаются на полях сражений. Здесь нет героев без страха, нет злодеев без мотивации – только люди, оказавшиеся в водовороте истории.

Для читателей, готовых к сильным эмоциям и историческим событиям, рассказ погружает в атмосферу древнего мира и ожесточённой борьбы за жизнь, свободу и честь.

Даниил Дроздов

Солёный дождь над Ауфидом

В августе 216 года до нашей эры

Глава 1

Луна, тяжелая и бронзовая, висела над лагерем, будто доспех забытого бога. В белой палатке, где ткань шелестела от ночного ветра, Ганнибал Барка склонился над картой. Свеча плясала, отбрасывая неровные тени на его лицо – то высвечивая резкие скулы, то прятая глаза во тьме.

Он провел пальцем по холмам у реки Ауфид.

– Здесь, – прошептал он, – они умрут.

Галлы в центре. Римляне, глупые и дисциплинированные, пойдут вперед, как стадо. А потом... Его рука сомкнулась в кулак.

За палаткой слышались пьяные крики, смех, звон кубков. Тысячи костров горели в долине – его армия пировала перед смертью. Чужой смертью, поправил он себя.

Ганнибал встал, и золотой панцирь на его груди холодно блеснул. Он вышел в ночь. – Завтра вороны будут пировать, – сказал он пустому воздуху. – А Рим... Он не договорил. Ветер донес до него запах реки, крови и страха.

—

Его потревожили шаги. Гасдрубал, тоже не спавший в эту ночь, подошел, скрестив руки на груди. Звезды висели над ними – холодные, безучастные.

– Приветствую, командир, – сказал Гасдрубал, подняв руку в привычном жесте. Ганнибал кивнул:

– И тебе здоровья. Встань здесь. Посмотрим на звезды... как в детстве.

Они стояли плечом к плечу над обрывом. Внизу, в долине, мерцали огни лагеря – десятки тысяч людей, которые завтра станут легкой дымкой над полем боя.

– Эти же звезды видели наши матери, – тихо сказал Ганнибал. – И жены тех, чьи кости завтра разметает по Италии.

Гасдрубал молчал. Ветер шевелил его плащ.

– Думаешь, отец среди них? – вдруг спросил Ганнибал, не отрывая взгляда от неба. – Если и так, – хрипло ответил Гасдрубал, – то он гордится тобой.

Ганнибал усмехнулся.

– Гордость...

Он провел рукой по рукояти меча – того самого, что когда-то носил Гамилькар. – Завтра не будет гордости. Только кровь, грязь и вороны.

Они снова замолчали. Звезды горели над ними, холодные и вечные.

– Это всего лишь шахматная партия, – наконец сказал Ганнибал. – Под сводом звезд... и на пыльных римских до-

рогах.

Гасдрубал вздохнул:

– Но фигуры – живые.

Ганнибал повернулся к лагерю.

– Тем хуже для них.

Глава 2

У костра сидел триарий Агер. Тусклое пламя отбрасывало прыгающие тени на его лицо, изборожденное морщинами и пеплом былых пожаров. Кончиком обугленной палочки он чертил на земле призрачные очертания – образы тех, кого давно поглотили огонь и чума. Скоро сорок. А вокруг – пустота. Всю семью вымело, как осенний лист с ветхих ветвей.

Младшая сестра... Та, что была для него светом, за чью жизнь он отдал бы свою без раздумий, сгорела в лихорадке тифа. Агер поднял голову. Над ним – те же вечные звезды, холодные и безмолвные. Те самые, под которыми они сидели плечом к плечу, смеялись, делились мечтами... И вдруг – как нож в грудь – всплыло в памяти ее лицо. Не то, что светилось счастьем тогда, под этим же небом, а то, последнее: ввалившиеся глаза, иссохшие губы, кожа, испещренная язвами и потом страдания. Он резко дернулся, будто от удара. По спине, под грубой шерстью туники, побежал ледяной озноб.

– Старик, – голос прозвучал неожиданно близко, сорвав Агера с острия воспоминаний. – Говорят, у врага есть слухи. Это правда? Чудища с зубами-ножами?

Агер медленно обернулся. На краю света от костра стоял гастат, юнец, лицо которого еще хранило округлость отрочества, а глаза были широко распахнуты от страха и любопытства. – Правда, чертёнок, – хрипло ответил триарий. – И знаешь что? Они еще и бесплатно доставят тебя напрямиком до Хроноса. С ветерком.

Гастат неуверенно переступил с ноги на ногу, его взгляд скользнул мимо Агера, в темноту. – А тебя... тебя ждут дома? – спросил он тихо, будто боясь сглазить.

И только тогда, как громом пораженный этим простым вопросом, Агер понял. Не умом – кожей. Костями. Всей своей израненной душой. Он ощутил реальность, вынырнув из пучины прошлого: грубую землю под собой, холодок ночного воздуха на щеках, терпкий запах дыма. Он увидел поляну – островок тишины посреди огромного спящего лагеря, где сидел он, одинокая скала посреди людского моря. Он разглядел очертания исполинских деревьев, черными стражами замерших вдали. Он услышал назойливую, вечную песнь цикад, сливающуюся с далеким, пьяным гулом лагеря – смех, крики, звон кубков, звенящую ноту чьей-то песни. Он почувствовал эту кипящую, хрупкую жизнь вокруг, эту безумную волю к существованию накануне мясорубки. И он увидел этого самого юнца перед собой – мальчишку в доспехах, чьи глаза еще не видели настоящего ужаса, чье завтра, скорее всего, закончится под кельтскими секирами, превратив его в кровавое месиво. Грубые черты лица Агера смягчились.

Глубоко, устало вздохнув, он кивнул на землю рядом с собой.

– Нет, парень. Не ждут. – Голос его, обычно жесткий, как старая кожа, внезапно обрел неожиданную теплоту, глухую, как теплота потухающих углей. – Садись. Поговорим, пока ночь.

– Почему тебя не ждут? – Гастат не отрывал взгляда от ветерана. В его глазах – неловкая смесь уважения, щемящего страха и внезапного понимания, а искры костра прыгали в зрачках, как крошечные предвестники завтрашнего пожара.

– Они все умерли.

Тишина упала тяжелым покрывалом. Лишь треск сучьев в огне да бесконечная, назойливая трель цикад резали ночь – похоронный марш для слов, которые не нуждались в дополнении. – А у меня... – голос юнца дрогнул, – жива мать. И младший брат. И старшая сестра. Отец... – Он замолчал, сглотнув ком. – Отец погиб у Тразименского озера. Триарий медленно повернул голову, тень скользнула по его изможденному лицу: – Его убил... – Он кивнул в сторону мерцающих огней карфагенского лагеря, где маячили силуэты чужих стражей. – ...Один из них?

– Наверное. Думаю, так. – Гастат внезапно сжал кулак, его рука резко, с немой яростью, дернулась в сторону невидимого юга. – Но на самом деле... его убили они. Все они! – Сенат... – Агер произнес слово с таким горьким отвращением, будто выплевывал гнилую косточку. – Да. Когда-то я был од-

ним из них.

И это была голая, неприкрытая правда. Этот закопченный триарий, солдат с потрескавшимися руками, когда-то восседал в прохладной тени Курии, среди "отцов сенаторов". Но он ушел. Сбежал. Не к жизни – на смерть. Чтоб рубить. Чтоб драться. Чтоб умыть руки от грязной политической крови в чистой, алой крови поля боя. Чтоб смывать чужие кишки и мозги с доспехов, а не с совести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.